

ПРОСТРАНСТВО ГОРОДА И ОБРАЗ ДОМА КАК ВЫРАЖЕНИЕ МОТИВА МАЛОЙ РОДИНЫ В ЛИРИКЕ В. ЛИПАТОВА, М. ШИХАНОВА, А. ЩИТОВА

THE SPACE OF THE CITY AND THE IMAGE OF THE HOUSE AS AN EXPRESSION OF THE MOTIF OF THE SMALL HOMELAND IN THE LYRICS OF V. LIPATOV, M. SHIKHANOV, A. SHCHITOVA

L. Munkuyeva
T. Zateeva

Summary: The article examines the motif of the small homeland in the poems of Russian lyricists of Buryatia. The dominants of this motif are revealed, their significance in the poetic vision is determined. The author proves the non-accidental conceptuality of the city space and the image of the house in the lyrical picture of the world. The article analyzes the artistic means of expression, in which the motive of love for a small homeland is concentrated. The general characteristic features in the works of V. Lipatov, M. Shikhanov and A. Shchitov are determined. The research is based on socio-cultural, historical and literary, descriptive and comparative methods.

Keywords: motive, space, image, hero, city, house, concept.

Мункуева Лидия Доржиевна

Аспирант, Бурятский государственный университет
имени Доржи Банзарова, (г. Улан-Удэ)
lidiya-naumova@inbox.ru

Затеева Татьяна Владимировна

Доктор филологических наук, профессор, Бурятский
государственный университет имени Доржи Банзарова,
(г. Улан-Удэ)
vlatat1954@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается мотив малой родины в стихах русских лириков Бурятии. Выявляются доминанты данного мотива, определяется их значимость в поэтическом видении. Доказывается неслучайная концептуальность пространства города и образа дома в лирической картине мира. Анализируются художественные средства выразительности, в которых концентрируется мотив любви к малой родине. Определяются общие – характерные черты в творчестве В. Липатова, М. Шиханова и А. Щитова. Исследование основано на социокультурном, историко-литературном, описательном и сравнительно-сопоставительном методах.

Ключевые слова: мотив, пространство, образ, герой, город, дом, концепт.

Образ города, его пространство являются неотъемлемыми аспектами лирического выражения русских поэтов Бурятии. Особенно знаковым город становится в поэтическом видении В. Липатова, М. Шиханова и А. Щитова. Образ города предстает в стихах поэтов во многих объектно-субъектных соотношениях. В этом плане исследователь И.В. Тулиганова не случайно в образе города выявляет следующие структурные уровни: социальный, ценностно-символический, информационно-коммуникативный [6, с. 11].

Поэты раскрывают город не безликим, неприметным, а живым. Он наполнен различными звуками, шумами, голосами – разными от многообразия переживаемых чувств. Ведь поэты родились в то время, когда Бурятия со своими городами бурно менялась, технологически преобразалась, одновременно и теряя свой национальный облик, превращаясь в привычное взгляду бетонно-блочное, асфальтированное, стеклянное, машинизированное пространство, и восстанавливая бывшее культурное кредо, правда, не без печальных потерь.

Для Анатолия Щитова и Михаила Шиханова родным был город Кяхта. Для поэтов этот город был не каким-то

маленьким провинциальным городком Бурятии, а соотносился с эпицентром многих эпохальных событий, изменивших судьбу всей России. Хотя поэты спустя время выехали оттуда, они всегда спешили возвратиться в родной город и по работе, и мыслями – в стихах, беспокоясь о его судьбе. Это находим в таких строках Анатолия Щитова:

Я здесь не по путевке комсомола.

Я по путевке собственной души.

Как прежде, непростительно я молод-

С ногами и руками, хоть пляши!...

[10, с. 84.].

Лирический герой торопится навстречу родному городу так, что от спешки «Сам тротуар, продавленный и редкий, / качается, как пьяный пешеход. / И все же ноги, / ноги, / мои ноги / летят вперед» [Там же]. Герой вновь ощущает себя молодым, наполняется предвкушением встречи с другом, которого помнит прежним – удалым барабанщиком: «Он раньше так играл на барабане!». Герой верит, что ничто не может изменить людей, ведь все в юности мечтали о лучшей доле, яркой жизни: «И музыка была / и будущность красивая манила, / учеба, как за рученьку, вела...» [Там же]. Как заклинание герой повторяет свое обращение к родному городу:

Я снова здесь!
 Мой старый городишко,
 со мной ты связан накрепко судьбой.
 ты, может, ожидал меня не слишком.
 Но я-то слишком встречи ждал
 с тобой... [Там же].

При этом А. Щитов запечатлевает в стихах о родном городе мотив удивления с выражением некоторой долей иронии, должной выразить своеобразную манеру провинциальных нравов, с которыми встречаются нового человека в такой среде. Это проявляется в стихотворении поэта «Это ж надо такому случиться». Поэт намеренно выбирает жанр сонета:

Это ж надо такому случиться-
 Не поверит никто никогда-
 Прибыл парень из самой столицы
 И остался у нас навсегда...
 [11. с. 6]

Возвышенность жанра подчеркивает ироничность лирического героя, которому неудобно от сложившейся ситуации – ничем не прикрытого откровенного человеческого любопытства. Герою стыдно за узость мыслей земляков, укоренившихся в них ограниченных нравов, что выражается эпифорой «может быть». При этом поэт не изменяет себе: манера лирического выражения заключает в себе вопросно-ответную форму или риторичность, которые отсылают стихотворный слог к разговорной манере. Так воплощается реалистичная основа лирического выражения. В то же время слышатся, словно прорывающиеся сквозь людской шум, простые, добрые, тихие слова, что «родина здесь...», «Здесь жила его мать. И отец», и главное, что «Он вернулся домой наконец» [11, с. 6]. Данные мысли героя не только возвращают высоту жанра сонету, но и утверждают незыблемость обыкновенных, незатейливых, вечных истин о значимости и святости родины для человека. Подобное находим в стихах Михаила Шиханова:

Я в Кяхте опять,
 у монгольской границы,
 где в ехоре-танце ликует ветра,
 где с гиканьем детство
 на палочке мчится.
 где нынче меня привечает сестра...
 Ну, а город растет,
 раскосый, улыбчивый и темнокудрый...
 [8, с. 203].

Пространственно-временные границы лирической картины безграничны: в видении лирического героя существуют и прошлое с порой детства, и юность с первыми «радостями и болями», и настоящее с обмелевшей рекой и расстроившимся городом. Прежними остались лишь ветра с их ликованием в «танце-ехоре» да народ «раскосый, улыбчивый и темнокудрый». Герой делится с

земляками своими открытиями, новостями, интересуется жизнью города, все наполняет героя радостью открытий в летящих мгновениях жизни:

Когда возвращаюсь
 Из дальней дороги домой - счастлив.
 и я замечаю,
 что город родимый со мной, - счастлив!...
 [7, с. 92].

Приемы анафоры, эпифоры передают внутреннюю восторженность и глубокую благодарность героя родному пространству города. При этом сами приемы эпифоры символичны: это своего рода те культурно-духовные корни, без которых герою не быть, не жить, не иметь удачу, счастливо не строить судьбу, не идти по жизни без больших потрясений. Проявление чувств героя сдержанное, едва ли не робко затаенное:

Кяхта. Кяхта... Поживаешь как ты?
 Ты во мне саранкой проросла!
 Мне всегда без милой, малой Кяхты
 не хватает на земле тепла...
 [8, с. 191]

Следует обратить внимание на эпитеты «милой», «малой». Такое обращение к родному городу обнаруживает затаенную любовь героя к малой родине, которую он выражает по-настоящему тихо, как будто с придыханием, боясь громким словом нарушить ее спокойное, вечное, умиротворяющее безмолвие. А слово «малой» напрямую указывает на значимость родного города в жизни лирического героя. Город связывает героя с родным домом, образом матери, друзьями детства. И эти все картины у героя остались лишь в памяти, в настоящем их нет. В этом с М. Шихановым соотносятся и В. Липатов, и А. Щитов.

Так, герой А. Щитова с невосполнимой грустью говорит: «И мой снесли когда-то дом// Что делать - времени стихия!// А в новом доме - дело в том - // Живут сейчас совсем другие. // Я думаю: снесли мой дом, // А в новом, верно, поумнее// Живут – родятся и стареют// И мыслят все о ином...» [11. с. 16]. В лирическом герое чувствуется ничем не прикрытая ревность к тем, чужим людям, что отстроились на месте его родового дома. Он понимает, что окончательно потерял со снесенным родным домом свое духовное пространство.

Сожаление, ощущение безвозвратной потери чувствуется и герой В.Липатова с утратой родового дома. С домом героя связывается образ матери, которой уж нет. От этого герою не просто грустно, как это у А. Щитова, а нестерпимо больно. Он по-настоящему ощущает боль от увиденной картины в родном городе: «То-то сердце ноет». Более того, В. Липатов представляет героя, терзающегося от извечной спешки в жизни, из-за которой многое остается неисполненным. Это чувствуется в та-

ких строках:

Сколько раз хотел на память снять
Дом, где я родился.
Вот и нынче сердце не унять.
Он опять приснился.

А во сне, как будто наяву.
Солнышко сквозь рамы.
Снова маму, как тогда зову,
Но не вижу мамы...

Вот и место. Где же отчий дом?
Грустная картина:
Остарел он и пошел под слом.
Не дождался сына.

Занял место в череде потерь.
С ними побратался.
И от детства раннего теперь
Тот же сон остался.
[3, с. 10-11]

С годами память о доме все больше связывается родными людьми. Так герою В. Липатова видится образ не только матери, но и бабушки, деда в родном доме, даже в образе жены герою видится облик матери. Например, так в стихотворении «Вечер», где «Читает бабушка стихи// Натальи Толстой-Крандиевской,// А дедушка слушает молча,// Слегка наклонившись вперед...» [2, с. 18], в другом, когда герой погружается в глубокую печаль:

Загрустила душа не на шутку.
Детство, детство, далекие дни.
Заглянуть бы туда на минутку.
Да попробуй сейчас загляни!
Только вижу: хлопчет жена
У кровати, где дочь засыпает,
В том, как ходит, как дышит она.
Образ мамы моей проступает.
[2, с. 39-40]

В стихах поэтов утверждается концептуальность дома как некоего сакрального ядра, из которого берет начало родовая ветвь лирического героя во всех ее напластованиях: исторической, социальной, культурной, духовной, нравственной. Не случайно, ученые отмечают тот факт, что «...существуют концепты, обеспечивающие жизнеспособность пространства культуры, способствующие сохранению самоидентичности культуры. Одним из таких концептов является дом, который обеспечивает стабильность бытия» [4, с.166]. Лирическому герою, по всей видимости, не хватает этой концептуальности и стабильности в современном ему мире, что исходит из сохраняющихся в памяти образов дедушки, бабушки, матери. Так, поэт обозначает не только жизненные истоки лирического героя, но и раскрывает нелегкую судьбу всего народа.

Символы страшных лет в стране и в судьбе родных В. Липатов заключает в грустных строках о Наталье Толстой-Крандиевской, видом молчаливого, строгого деда, пытающегося что-то вспомнить (возможно, из глубин прошлого), печалью бабушки, сидящей «как лебедушка», в образе жены, в чертах которой лирический герой видит образ матери. В стихотворении во всем этом проступают признаки, черты эпохальных изменений в России, когда весь народ, каждый человек своей судьбой испытал самое настоящее «хождение по мукам» (ведь образ жены А.Н. Толстого Натальи Толстой-Крандиевской, автора романа-трилогии «Хождение по мукам» не случаен - отмечено нами Л. Мункуева). Оттого дедушка пытается что-то вспомнить, а не может, поскольку в страшные годы репрессий необходимо было по-ахматовски «память до конца убить».

С утратой дома, матери человек беззащитен. Не случайно, с философской точки зрения, дом является «один из ключевых символов культуры, базовая единица пространства, с которой в той или иной мере соотносятся все важнейшие антропологические и культурные константы. Дом был воображаемым центром мира для человека, а также обозначал границы между пространством внутренним, своим, освоенным, понятным, защищенным и пространством внешним, хаотичным, бесформенным, неосвоенным, непонятым, опасным» [5, с. 61]. С годами лирическому герою по-настоящему не хватает родного пространства, что концентрировалось в образе родного дома, той любви, теплоты и заботы от матери, что шло из пределов родного дома.

Оба поэта передают трагедию родного крушения мира строками: «Сломан дом» (М. Шиханов); «снесли мой дом» (А. Щитов). Оттого в стихах М. Шиханова герой ощущает себя в образе яхты, утратившей якорь, которым своего рода являлась Кяхта как малая родина. Строки: «Я частенько без нее – как яхта // на асфальте голубых столиц», - следует понимать метафорично. Без родного города герой своей судьбой образно соотносится с судном, которое оказывается нередко выброшенным на берег. Оттого горько и печально в душе героя. А это все безмолвное выражение любви к малой родине, что равносильно весеннему кличу птиц. Другое стихотворение начинается именно таким выражением:

Тихий-тихий...
Далеким маршем
до сих пор он во мне гремит
и встревожено веткой машет
мне с пригорка, где мама спит.
Спит так крепко и так покойно,
как при жизни ей не спалось...
Но порою ей снова больно,
чует – что-то со мной стряслось!
[8, с. 175]

Эпитет «тихий-тихий» несет образ родного города в сочетании всех его пространственно-временных параметров, уже исчезнувших из границ настоящего. При этом силуэт этого образа проступает не только эпитетом «тихий», но и словосочетанием «Далеким маршем». Сами слова выполняют в стихотворении роль психологического сигнала, вызывающего боль души героя по ушедшему в небытие родному миру, дорогой сердцу матери. Подобную боль, грусть испытывает и герой А. Щитова:

Как-то странно загрустилось мне.
 Как-то очень странно загрустилось-
 то ли показалось, то ль во сне
 мать ко мне, вся в розовом, явилась.
 Весела она... Как весела!...
 [10, с. 8]

Отличие образа матери здесь в том, что она жива, но уже старенькая, а лирический герой видит ее молодой, веселой, задорной, поющей («Ах, как поет!»). Казалось бы, в видении героя происходит какая-то, действительно, странная метаморфоза с образом матери, поскольку она в настоящий момент лирического переживания по возрасту «Старенькая». Возникает вопрос: почему же она видится герою молодой? Разгадка странности дается в воображении же героя, которую он пока не может разгадать. Она кроется во фразе: «Счастья - на сто лет невпроворот!». Вот что должно было выпасть на судьбу матери героя, однако жизнь сложилась по-другому: тяжело, сурово, с военными испытаниями, где и голод, и холод, и единственное стремление матери – поднять детей. В этом плане верно суждение исследователей, что «В русской литературе образ Дома всегда становился сакральным: свечи, молитвы, разнообразные памятные детали. Но прежде всего их скрепляли воспоминания о матери. Материнская сущность родного гнезда – ядро, на котором держатся связи, гарантия их незабываемости» [9, с. 137].

Даже в задорных, звонких, даже залихватских стихах поэтов проскальзывает ничем не прикрытая печаль. Так это у В. Липатова:

Я вырос на Банзаровой-
 Гитары здесь гуды:
 От близости базара ли,
 А может быть, Уды.

Эх, речка семиструйная.
 Все бревна да плоты.
 Гитара семиструнная –
 Подружка темноты.

Лишь звезды по-над бережком
 Рассыплет небосвод.
 Берешь гитару бережно
 И - к лавке у ворот...
 [2, с. 12].

Улица Банзарова раскрывается в своей стихийности. Здесь и дневная суতোлка, идущая от гулкого базара, кипящей работы на реке, и вечерние, ночные приглушенно-волнующие звуки молодежной танцплощадки на улице, и тихое перешептывание гуляющих пар. Пространственно-временная картина в стихотворении раскрывается в двух планах: образ города улицей Банзарова раскрывается в действительной реальности, в то же время, воскресая в памяти лирического героя, предстает в далеком прошлом. Оттого строки отдают ностальгической щемящей грустью и любовью к годам юности, где все было наполнено молодостью, первой влюбленностью, тайными встречами. Поэтому лирический герой всегда возвращается и наяву, и мыслями в родной город. В нем он находит отдохновение, новые душевные силы, радуется и грустит одновременно от хороших или плохих новостей:

Здесь я родился.
 Здесь я взглянул впервые
 На островной черемуховый цвет,
 Здесь я запомнил
 краски зоревые,
 Которых ярче не было и нет.
 Вот и утес,
 Где город начинался,
 Бревенчатые стены возводил,
 Лишь ход реки
 незыблемым остался
 С тех пор,
 Когда острожник здесь бродил...
 Устав от красноречья,
 С водой пробежной шепчутся кусты.
 Стою подольше.
 Чтобы наглядеться
 На все, что есть,
 на все, что было тут,-
 Ведь никуда от прошлого
 не деться
 Под тонкий свист мелькающих минут
 [3, с. 6-7].

Если стихотворение «Я вырос на Банзаровой» наполнено напускной бравадой, то в данных строках каждое слово наполнено лиризмом, тихим смирением человека, понимающего, что ход времени - этот «тонкий свист мелькающих минут» ни за что не остановим. Остается только в памяти воскрешать исторические события, что возвели родной город, в котором родился герой и провел в нем детство. Не случайно в стихотворении анафорическое повторение слова «Здесь». Оно является и пространственным указателем образа города, и той связующей нитью, что удерживает героя от разрыва с дорогим для сердца местом.

Без труда в строках узнается образ Удинского острога с точным географическим расположением – высокий

уtes на правом берегу Уды. Именно так начинался будущий Верхнеудинск, позже Улан-Удэ, родной город для В. Липатова. В этом плане интересен эпитет «пробежной», то есть в значении не у берега (было бы «прибрежной»), а пробегающей. Значит, совершенно не остановимой. Поэт заостряет наше внимание на понятии текучести времени, ее стремительности. Поэтому стремится запечатлеть то родное, близкое, душевное, что есть в нем, зная, что грядущие перемены безжалостны к этому. Оттого без пафоса, спокойно и умеренно лирический герой признается ему в любви: «Тебя я люблю до предместий.// До самых глухих уголков, -// Там бродят с историей вместе// Ватаги степных ветерков» [3, с. 7]. О том, насколько город значим поэту, можно судить из оценки театрального режиссера, актера В. Килина, близкого друга В. Липатова: «Липатов поэт городской. Его поэзия - рентгенов-

ский снимок города. Именно - Улан-Удэ» [1].

Таким образом, в стихах А. Щитова, В. Липатова, М. Шиханова образ города - незабываемый, неисчерпаемый родной уголок как начало всех начал. С ним герою никак не расстаться, не разорвать кровные, родственные, дружеские узы. Не случайно поэты соотносят слова «родной городок» и «дом». Это не просто жилище человека, не только какое-то хозяйство, а кров, очаг с близкими родными, это чувство принадлежности к своей культуре, вере, традициям. Как из маленького ростка вырастает большое, так из локуса дома исходит пространство родного города. Для поэтов главным в родном городе оказывается дом, в котором они родились. Отсюда город становится еще ближе герою. В нем средоточие генетического, культурного кода героя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Килин, В. Ко дню рождения поэта. Владимир Липатов. Избранные стихи. URL:<https://burunen.ru/news/culture/71802-ko-dnyu-rozhden> (дата обращения: 12.11.2023). - Текст: электронный
2. Липатов, В.В. Багульник: Стихотворения. - М.: Сов. Россия, 1985. - 80 с.
3. Липатов, В.В. Сентябрь. Книга стихотворений. - Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1985. - 76 с.
4. Логинова, М.В., Прохорова, Н.И. Трансформации и интерпретации концепта «дом» в современном искусстве.//ИНИОН РАН «Вестник культурологии». 2022, № 1 с. 165-177
5. Мороз, В.В., Рымарович, С. Н. Концепт «дом»: историко-философские и культурфилософские основания // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2014. № 2 (30) с. 231, с. 60-69
6. Тулиганова, И.В. Социокультурное пространство современного города: автореф. дисс. ... к. филос. н. Саратов, 2009. 18 с.
7. Шиханов, М.М. Красное солнце. Поэма. Стихи. - Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1988. -112 с.
8. Шиханов, М.М. Хлебные карточки: стихи и рассказы. / ред. сост. Л.Д. Шиханова - Улан-Удэ: НоваПринт, 2014. -230 с.: ил.
9. Шишхова, Н. М. Метафорическое оснащение концепта «дом» (русская литература первой половины XIX века и Гастон Башляр).// Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение, 2022. Вып. 3 (302). С.134-140.
10. Щитов, А.В. Красная осень. Бурятское книжное издательство. Улан-Удэ. 1979
11. Щитов, А.В. Признание: Стихи./Худ. В.П. Алагуева. - Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1992. - 68 с.

© Мункуева Лидия Доржиевна (lidiya-naumova@inbox.ru), Затеева Татьяна Владимировна (vlatat1954@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»